

В.В. Сердечная

УИЛЬЯМ БЛЕЙК В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

Рассматривается рецепция творчества английского романтика Уильяма Блейка в современной русской литературе и культуре: о нем упоминают в своем творчестве многие русские мыслители, поэты и писатели. Особое место Блейк как представитель традиционного знания занимает в «Южинском» московском мистическом кружке; в творчестве Е. Головина, А. Дугина, Ю. Стефанова. В творческий диалог с английским поэтом вступает А. Тавров в цикле «Плач по Блейку».

Ключевые слова: Уильям Блейк, русско-английские связи, Андрей Тавров, русская поэзия, рецепция, английский романтизм, «Южинский» кружок.

После падения железного занавеса в Россию стали свободно проникать иностранные произведения искусства, зарубежные книги и критика. Русская рецепция Блейка и ранее часто была основана на культурном посредничестве (таким как английская символистская критика или книги Рокуэлла Кента), но в постсоветский период это посредничество стало еще более активным. В Россию в полном объеме дошла волна андеграундной культуры. Психоделические трактаты О. Хаксли «Двери восприятия» и «Рай и ад», опубликованные в нашей стране в девяностых [1], а также записи и тексты «The DOORS» стали важным путем опосредованного восприятия Блейка в России. Немалую роль сыграл и фильм Джима Джармуша «Мертвец» (1995), в котором главный герой Уильям Блейк в исполнении Джонни Деппа проходит через то ли посмертный, то ли психоделический трип в антураже вестерна. А в 2008 г. был издан перевод приключенческого романа Т. Шевалье «Тигр, светло горящий», где Блейк стал одним из героев [2].

Игорь Гарин в 1992 г. пишет об особенной роли английского поэта-романтика как посредника между традицией и современностью:

«Блейк – живое звено в живой цепи, протянувшейся от Иоахима Флорского через иоакимитов, «бешеных», антиномиян, магглтонианцев, Сведенборга, Я. Беме <...> – к Владимиру Соловьеву, Даниилу Андрееву и мистикам наших дней» [3. С. 394]. Важно отметить, что, воссоздавая мистико-символическую «биографию» рецепции Блейка, Гарин говорит об авторах, которые Блейка не читали или не упоминали: это и Андреев, и Соловьев, и, например, Блаватская. Писатель Вадим Козовой (1937–1999) в эссе «Улыбка» также упоминает Блейка в алхимической традиции, как автора одного из «браков» (тут явно влияние «Бракосочетания рая и ада»): «Беда наихудшая, катастрофа бесплоднейшая – знали задолго до Сведенборга и Блейка – приходят, когда в нас разлучены и не сочетаются браком “вещая душа” и “сердце, полное тревоги”» [4. С. 229]. Здесь Блейк предстает прежде всего как автор «Бракосочетания рая и ада».

Блейк, которого еще отчасти помнили как символиста и мистика, занимал определенное место в культурном универсуме московского мистического, или эзотерического, «Южинского» подполья: в этот кружок входили, в частности, Юрий Мамлеев, Евгений Головин, Александр Дугин, Гейдар Джемаль, Юрий Стефанов, заглаживали Венедикт Ерофеев и Генрих Сапгир. Для этого кружка Блейк был одной из составляющих великой Традиции, утраченного цивилизацией древнего знания – наряду с Геноном и Папусом, Эволой и Кумарасвами. И для этого круга, конечно, были интересны не яркие идиллии или сатиры Блейка, но его пророческие поэмы, описания сложно устроенных миров.

Литературный критик и переводчик Евгений Головин в своих книгах цитирует Блейка в собственном переводе. Так, в статье «Заря и закат крови» он цитирует поэму «Мильтон» [5. С. 199–200], как и в некоторых интервью и лекциях, иллюстрируя строками Блейка ограниченность человеческого познания. Головин также говорил в интервью о поэме «Америка» как о констатации смерти цивилизации: «Эта поэма сделана очень интересно на тему вхождения белого человека в красную индейскую Америку. Он же ничего не знал из того, что знаем мы <...> Там вот какая идея, очень схожая с воззрениями туземных народов на белых людей, почему они так оторопели: они думали, что белые люди идут с того света, из страны смерти. <...> То же самое у Блейка, там речь идет о Северной Америке: все эти

люди – они уже мертвецы. Все белые. Блейк взял эту тему: что жизнь белых людей кончилась еще в Средние века, и после Возрождения мертвецы идут»¹. Интерпретация несколько вольная, метафорически-обобщающая: Блейк в своих эпосах действительно говорит о падшей природе телесного и осуждает культуру Просвещения, но также осуждает он и язычество; в его поэмах мертвецы есть мертвецы, а одетые в плоть люди – неправильно существующие, но все же живые. Однако мысль Головина интересна как попытка привязать Блейка к философии традиционализма и к фильму «Мертвец» Дж. Джармуша. Так, Блейк в рецепции критика становится носителем тайного традиционного знания, что возрождает, после длительного перерыва, российскую традицию восприятия его как мистика и пророка, отчасти уравнивая долгие десятилетия славы «воинствующего гуманиста».

А.Г. Дугин также обращается к Блейку, а в своей книге «Ноомахия: войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект» (2015) посвящает ему главу, в которой цитирует эпосы английского поэта в собственном переводе и воссоздает его мифологию. Дугин в большинстве повторяет уже известные утверждения о связях Блейка с традиционализмом (которые раскрыла К. Рейн еще в 1970-х гг.). Однако он предлагает и несколько новых интерпретаций, стараясь вписать Блейка в контекст современной философии. Так, он пишет, что «Логос, вдохновлявший его, был строго дионисийским» [6. С. 229], и отмечает, что в своем гимне «Иерусалим» из поэмы «Мильтон» Блейк ярко выражает идеи «англо-саксонского мессианства» [6. С. 232]: действительно, построить Иерусалим в стране родной – стремление избранного народа. Дугин пишет о возможном выражении идеи «британского израилизма»: современник Блейка Ричард Бразерс основал мессианский культ, согласно которому Англия – новая земля обетованная, а англичане есть 10 потерянных колен израильских – благодаря посещению Гластонбери Христом вместе с Иосифом Аримафейским. Эта идея, уже отмечавшаяся в западных исследованиях, в российской печати прозвучала впервые. Дугин также высказывает ценное наблюдение о схожести мифологических

¹ Расшифровка интервью Сергею Герасимову. Горки, 2004. URL: <https://youtu.be/9XjRx9xQhgA>

вселенных Блейка и Толкиена. В целом же примечательно стремление Дугина включить Блейка в актуальную философскую парадигму.

Юрий Стефанов (1939–2001), поэт и мистик, исследователь традиционного знания, творец мифологических миров, родствен Блейку-мифографу типологически. Оба они жили в переходные времена, писали мифологические поэмы и отражали в стихах растерянность перед жизнью большого города: у Блейка индустриальный Лондон становится воплощением «Мельниц Сатаны», у Стефанова Москва девяностых напоминает об адском искажении мира.

В их творчестве можно найти и конкретные параллели. У Блейка кузнец-пахарь Лос создает Солнце: «The red Globule is the unwearied Sun by Los created / To measure Time and Space to mortal Men» (Красный шар есть неустанное солнце, созданное Лосом, чтобы мерить время и пространство для смертных) [7. Р. 127]; Лос – двойник автора-поэта. У Стефанова пахарь-писатель запрягает солнце:

И лишь сжав ярмом, святым и страшным,
Млечный Путь, и солнце, и звезду,
Лемехом пера на белой пашне
Первой строчки взрежешь борозду [8. С. 15].

Стихотворение «Мотылек» (1997) развивает параллель между человеком и мотыльком-однодневкой, намеченную Блейком. Стефанов не останавливается на идее смертности мотылька и человека; он размышляет о стремлении мотылька к губительному огню и о перерождении, возрождении, объединяя светлую невинность и темный опыт:

Мне бы, крылышки сложив,
Кануть в темноту,
Но стремлюсь, куда жив,
Вспыхнуть на лету.
Лишь тогда, незрим, незряч,
Я на миг пойму,
Что в самом себе сопрячь
Смог со светом тьму [8. С. 83].

Несмотря на то что Блейк не находился в центре интересов Стефанова, они принадлежат к одному космосу традиционного знания,

и потому в стихах русского поэта так много перекличек с поэзией английского романтика: здесь можно назвать и образ «скорлупы» мира и человеческого сознания, ограничивающего себя от вечности, и алхимические перерождения, и образ властной женщины, созидательной мир; но важнейшим объединяющим мотивом является мотив человека как высшего создания, искупающего этот мир.

Блейка упоминают в своей прозе Юрий Буйда (роман «Книгсберг», 2003), Алексей Грякалов (роман «Раненый ангел», 2008), Иван Ермаков (роман «Иван-чай-сутра», 2010), Ксения Букша (роман «Завод “Свобода”», 2013) и многие другие. Гравюры Блейка фигурируют в романе О. Постнова «Страх»: они обнаруживаются в большом количестве у тетки главного героя в ее московской квартире [9].

Русские поэты пишут о Блейке, помнят его, активно вступают с ним в творческий диалог. Так, в 1995 г. Ольга Кузнецова публикует в «Новом мире» (№ 7) стихотворение под названием «The little girl lost», где название стихотворения Блейка осмысливается в современных реалиях:

взрослая девочка теперь тебе ничего не нужно
и не для кого пожалуй что все это городить
все обезболено все на корню застужено
все что могло болеть ну хватит хорош хандрить... [10].

Мария Галина публикует в 2000 г. стихотворение «Из У. Блейка», в котором мотивы «Больной розы» проецируются на реминисценции из русской поэзии, в особенности Блока, и образы поэтизированной и страшной современности:

рожденные в глухие –
борзые поезда
несутся, выгнув выи,
на черный переезд
слетаясь отовсюду...
О, Роза, вот те крест –
тебя я не забуду.
Недаром ничего
на сквозняке вселенной
пылает торжество
красы твоей растленной.

Какой маньяк ласкал
и плакал иступленно
твой пурпурный оскал
сияющего лона!.. [11].

Андрей Грицман публикует в «Новой юности» стихи, вписывая Блейка в контекст русского романтизма:

Выдохнешь. Вылетают слова,
Словно Лермонтова души зола.
Уильям Блейк расстегнул ворот,
Увидел угол. Похоронен черт знает где... [12].

В стихотворении Санджара Янышева «На смерть деревьев» Блейк помещается в ряд поэтов, воспевавших деревья как метафизические сущности [13]. Поэт Лев Беринский ставит в своей поэме «Тюльпан багряный» рядом имена Блейка и Пастернака: «Но где же Блейк и Пастернак, иль, заплутав, ушли в бурьяны? / Иль, примагничен их тоской, не отпустил их перх мирской, язык людской, земные страны?» [14].

Поэтесса Алла Горбунова в свое эссе включает собственные варианты перевода «The Mental Traveller» [15]. Ее отзыв о Блейке характерен, она воспринимает его как автора «Бракосочетания рая и ада» и забытого поэта: «И многое в творчестве и образе этого поэта показалось мне бесценным и сокровенно важным. Я тоже хотела жить и умереть безвестной и беседовать с ангелами. И меня тоже не оставляли равнодушной черти» [15]. Она говорит о том, что Блейк повлиял на ряд ее стихов, в частности на «Огородную песнь» и, например, на идиллические строки, в которых очевидно смешение «Песен невинности» с «Бракосочетанием»:

сквозь воду мелкую, сквозь солнечное сито,
чем озеро не тёплое корыто,
где Богоматерь отмывает бесенят,
им отдирает рожки и копыта
и превращает в беленьких ягнят [15].

Максим Калинин публикует в 2018 г. стихотворение, где Блейк – один из воплощений образа «безумного» поэта-художника, своего рода духа Лондона:

Где найдется
Третий,
Столь же безумный,
Поэт и художник,
Чтоб запечатлеть,
Как Мервин Пик
В своей студии
На Баттерси-Чёрч-роуд
Играет в гляделки
С призраком блохи
В окне церкви
Девы Марии,
Где венчался
Уильям Блейк? [16].

Поэт Михаил Погарский поверяет Блейка визуальной поэзией: таков его «Квазинаучный анализ шести пословиц ада Уильяма Блейка» [17]. Он предлагает любопытный визуальный «анализ» пословиц (рис. 1).

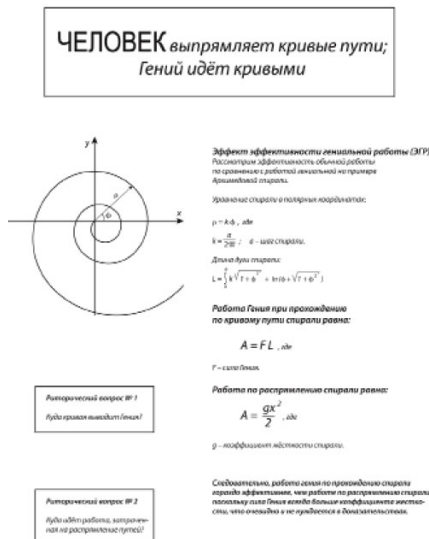

Рис. 1. Погарский М. Квазинаучный анализ шести пословиц ада Уильяма Блейка [17]

Фильм Джармуша становится частым посредником между читателем Блейка и зрителем: так, стихотворение Дмитрия Нержанникова выглядит психоделической иллюстрацией к «Мертвецу», где план воздуха переходит в водный, подобно тому как в фильме Блейк уплывает на индейской пироге в вечность:

Сесть в поезд в обществе Блейка,
Плыть вместе с Тэль
И медленно замечать,
Как меняется пейзаж за окном:
Белые воробы,
Алые аксолотли... [18].

Важнейшей репликой в диалоге между английским романтиком и русской литературой становится книга поэта Андрея Таврова «Плач по Блейку» (2018). Она включает три цикла, и первый, по которому названа книга, включает 45 стихотворений, так или иначе связанных с вселенной Блейка (часть их опубликована под названием «Блейк» в «Новом мире». 2018. № 3).

Первое же стихотворение «Ангел бабочек» содержит множество аллюзий на «Песни невинности и опыта», однако блейковские образы – ангелы и мошки, овцы и лужайки – накладываются на современные реалии, смешиваясь в причудливой картине [19. С. 7]. Блейк становится в этой книге Таврова ключевой фигурой поэтического откровения, своего рода Вергилием огромного поэтического мира, мира вечного и современного:

Уильям Блейк парит в дирижабле, а дирижабль в другом
парит дирижабле, а тот в Уильяме Блейке,
странная, если взглядеться, фигура, как снежный ком <...>
Блейк идет в сторону Оксфорд-стрит, его спина в пламени,
замечает подкидыша на пороге,
берет его на руки, видит драконьи крылья,
но не отбрасывает, а что-то шепчет в ухо.

Уильям – тертый калач! Сатана, говорит Уильям,
это неправильное слово, правильное – Force, Сила,
и несет дитя в приют мимо
трактиров, набережных, инвалидов,
мимо луж, телег, хлопающих калиток,

мимо служанок, клерков, грузчиков, открытых окон,
Уильям идет как разорванный кокон,
ставший бабочкой в воздухе достоверном... [19. С. 10].

В прочтении Таврова причудливо сочетаются мотивы «Песен невинности и опыта» (детство, бабочки, Лондон) и эпосов Блейка (образ дракона, многомерность мира, переосмысление образа Сатаны). Очевидно, что Тавров здесь выступает не в последнюю очередь как читатель «Бракосочетания рая и ада», как и в стихотворении «Блейк и ангел», написанном по мотивам «Памятных фантазий» из этой поэмы:

Блейк говорил мне ржавчиной лепестком
лоб изломан как углем уют
речь его внутрь языка ощупывала планеты
выдохи мертвых от коих
всходил он как воздушный шар из горелки
моллюском длинным и кровью и взглядом... [19. С. 15].

В стихотворении «Блейк между озером и ваксой» очевидно, что автор воспринимает Блейка через фильм Джармуша «Мертвец» с его мотивами верстерна:

В теле Блейка самолеты и цапли,
кокаиновые облака и индейские ружья,
в каждой клеточке тела,
все равно что стеклянной – по звезде и речному камню
[19. С. 18].

Здесь есть и прямые отсылки к лирике Блейка: например, стихотворение «Из песен невинности» отсылает и к Блейку, и к Бродскому. Здесь актуализируется мотив полета (мальчик-ангел, мошки и птицы у Блейка): «Поднимался в воздух человек / всей разжатой стаей рук и век... / он летел и гнезда вил из снега» [19. С. 52]. Автор говорит о сложности достижения той невинности и той полноты восприятия мира, которая присуща детям и пророкам: «если б только мы прочесть умели / след улитки, серебро ручья, / волка Библию и иероглиф мели, / мы бы лгать и дальше не посмели» [19. С. 52].

В этой книге автор показывает уже серьезное знакомство с Блейком-эпиком. Тавров творчески осмысливает его метафизику порожд-

дения человеческой физиологии, в частности, тела, как тюрьмы для человеческого существа:

И щель горит в ребре, а там, за ней
стоит олень, и мирозданье всё
кружит в хрусталике на дне зрачка [19. С. 9].

В стихах автора очевидно стремление пересоздать и воспроизвести блейковское понимание родства называния и сотворения, замешанное на сотворении человека и на единстве поэта и его вселенной:

И знает Блейк, что Адам в утробе, себя повторяя,
становится названными именами –
теми, что сам произнес:
поочередно деревом (позвоночник и ребра),
коровой (легкие, хвост),
рыбой (жабры и губы), птицей (жажда полета),
рекой – красный круг крови по телу,
и заново вызревает в утробе Адам, путешествуя
по увиденным им телам, которые создал именованьем, когда Бог
искал ему помощника и не нашел, и вот, наконец, найдя, Адам
становится Блейком и тем, кто вместит в себя
все метаморфозы, все плачи и роды [19. С. 18].

Замечательно обыгрывает Тавров многомерность физиологии по Блейку, где эритроцит может быть сердцем и солнцем:

Чертополох и собаки на пустоши, бешеные псы
гонятся за красной антилопой – за сердцем мистера Блейка
в обрубках сосудов, пульсациях, брызгах, радуге.
Мечется антилопа, легкими скачками, уклоняясь от псов.
Это природа, каждый делает свое дело,
никто не уйдет от себя [19. С. 65].

Если Блейк обдумывал геометафизику Англии как исходно христианской страны и делал выводы о родстве Лондона с Иерусалимом, то Тавров включает в размах этой мысли и славянские просторы:

О птица Англия! Я принес тебе святость, твоим садам и
мельницам, книгопечатням и
портам, твоим зеленым холмам и рекам. О, Альбион! Сестра
гальциона! О зимородок! Англо-славянский гимн! [19. С. 18].

В конце этого стихотворения автор создает список изречений, соперничающих в краткости с «Пословицами Ада», а в загадочности и глубокомыслии – с большими эпосами Блейка:

1. Ищущий невозможного предстоит его Владыке.
2. Увидеть реальность, что обуздать Единорога.
3. Пьющий синее небо – не умирает.
4. Ложись в челнок с подругой и никогда его не теряй, он прижмет вас друг к другу среди бурунов.
5. Любить – это подтирать за щечками, ангелами и стариками.
6. Не разъединяй устами Бога и человека, разъединяя сами уста.
7. Ты рождаешь людей и звезду, а они тебя.
8. Не верь словам без ритма, в котором живет Бегемот [19. С. 19].

Одно из стихотворений, «Дистанцию вложить в коня...», прочитывается в контексте русской рецепции Блейка как ответ на знаменитый инфинитивный перевод Маршака: «В одном мгновенье видеть вечность». Тавров сохраняет исходный посыл «большое в малом», однако усложняет его:

Дистанцию вложить в коня,
как дюйм и ласточку в циклон,
и мускулов костер креня,
стянуть разбег в надежный стон.
Так девять выпуклых небес
вращают мускулистый бег,
и вложен в финиш неба вес,
что бегом вынут из-под век [19. С. 23].

В стихотворении «Блейк. Воробей» происходит впечатляющий сплав различных мотивов и лирики романтика, и его эпосов. В частности, здесь обыгрываются многоуровневость авторского мифологического мифа (от Ульро до Эдема), беседы с Ангелами и путешествия по звездам в «Бракосочетании», образ воробья и вообще птицы-визионера, образы насекомых, ведомых сквозь ночь («Сон»), образ Мильтона, падающего метеоритом в пату рассказчика, фигура Флаксмана и философия творения словом:

Мы поднимались с Ангелом по лестнице,
за пазухой у меня был воробей.

<...>

и почему написаны книги, а любовь
не умирает, и каждого сверчка ведут
через мрак Архангелы.

<...>

Вы на Земле слышите только
дно слова, можно сказать, его пятку, —
произнес Ангел, — но в пятке живет все тело.

<...>

И нас влечет туда,
вотще и напролом,
словесная пята
с неистовым крылом [19. С. 25–26].

Есть у Таврова и воплощение других максим творчества Блейка, например, знаменитого «he became what he beheld» (он стал тем, что видел) из «Мильтона» и «Четырех Зоа»:

Глаз смотрящий на бабочку бабочкой стал
а на землю — землей [19. С. 31].

Блейк у Таврова, конечно, пророк; автор, сочетая Блейка с русской реальностью, делает обиталищем воображения снег:

А Блейк застыл один —
он знает про окно восприятия, мистер
пророк, знает, что каждый видит
лишь то, из чего он сам состоит, в основном, —
у кого-то голая девка, а у кого-то
куча монет, а у него — то, что Бог
дал видеть сквозь окно созерцания,
ибо снег воображения — это реальность,
большая, чем основная, всем доступная [19. С. 37].

Для Таврова важна «экологическая» составляющая творчества Блейка, равенство животных и людей в его мире, причем животные зачастую оказываются даже выше, так как их двери восприятия не закрыты:

Рыба подплывает к Блейку и тихо свистит.
Океан блещет гравировальной волной.
Из горла мистера Блейка рыбе отвечает птичка [19. С. 40].

Тавров дает пример того, как вселенная Блейка, художника и пророка, лирика и гравера, жителя Лондона и бессмертных краев воображения, может быть преломлена в современном поэтическом сознании; и эта авторская вселенная по своей сложности и многомерности оказывается весьма созвучна современности информационной эпохи, как в стихотворении «Ньютон»:

Воображение есть форма красоты,
и караван идет в воображенье,
и им рожден – бескрайний караван
из голых Ньютонов идет в пустыне ...
и на полип, который, словно мозг,
иль мускул, заживо прилип к плите
и движет землю, камни и людей,
и тварь, которой мозг принадлежит,
вопит от нестерпимого усилия,
и сокрушает ось земную
удар Левиафана.

Порхать, как бабочка над солнечным ковром!
И Расскажи мне, маленькая фея,
крошечным ртом о мире и гигантах, –
бормочет Блейк, и лоб его блестит [19. С. 45].

В стихотворении «Кадуцей» Тавров работает с концепцией точек зрения, так что диалог взглядов становится тотальным:

Кэтрин смотрит на Уильяма глазами
Уильяма, что смотрит на нее глазами
Кэтрин, той, что смотрит на него глазами
Уильяма, как перекрестная шнуровка ...
Ангел смотрит на Левиафана взглядом
ангела с Левиафаном в отраженье,
в погруженье в зрак, в котором скрытан
в свет Левиафан, в преображенье. ...
видит чайка окуней с глазами чайки,
видит дерево глазами кроны плотник,
видит дерево глазами неба чаща [19. С. 53].

В творчестве Таврова Блейк предстает одним из обитателей причудливого мира металитературы, среди которых Гоголь и Державин, Веласкес и Ньютон, Лир и Эдип, Пан и Мелхиседек.

Блейк как сочинитель взаимопересекающихся миров выступает для Таврова ключом к тотальной поэтизации вселенной; от герметического принципа «что вверху, то и внизу» совершается переход к принципу «все во всем», и это принцип оказывается важнейшим для современной поэзии.

Блейк занимает свое место и в русском философском космосе. Так, Мераб Мамардашвили часто ссылался в своих работах на Блейка и считал, что поэт понимает особую природу мысли и образа: «Блейк говорил, что всякая идея – это человек, имея в виду простую вещь: идея живет, как бы “нанесена” на физической, психической и другой артикуляции человека. Любая идея – это не абстракция и голое рассудочное существование, а конкретный человек» [20. С. 230]. Мамардашвили предполагает, что антиномии в Блейке напрямую связаны с проблемой разграничения антихриста и Христа, а также с проблемой нигилизма в XX в.: «Блейк писал, что все люди делятся на две категории: на тех, кто считает, что только Бог действует как некая высшая трансцендентальная идеальная сила, а другие полагают, что Бог существует и действует только в живых и свободных существах <...> Кстати, это просто иносказание все той же разницы между Христом и Антихристом» [20. С. 230].

Мамардашвили часто цитирует и комментирует наблюдения Блейка об искусстве и восприятии. Ссылаясь на «Лаокон», он утверждает, что «под формой искусства Блейк имеет в виду то, что на мгновение появилось, породило и <...> в то же мгновение его нет» [21. С. 276–277]. Философ подчеркивает точность мыслей Блейка о различиях в восприятии между разными существами.

Живопись и рисунки Блейка стали частью русской книжной культуры. Например, знаменитая гравюра Бога-творца с циркулем «The Ancient of Days» часто используется в книжной графике – в частности, в изданиях Ницше – и в периодике. Московский концептуалист Виктор Пивоваров, автор самиздата, признавался, что Блейк вдохновлял его своим опытом авторской печати книг: «...еще ближе мне Уильям Блейк. Там совпадения с моими альбомами уже самые близкие» [22. С. 259].

Следы влияния Блейка можно заметить и в работах современного скульптора Александра Кудрявцева (1938–2011), создавшего керамическую фреску «Сотворение мира». В центре этой девятичастной

композиции находится силуэт Бога с компасом в руке, что является прямой аллюзией на демиурга Блейка в «The Ancient of Days». Техника скульптора похожа на технику гравировки Блейка: силуэт Бога выгравирован на плоской поверхности блока (наполненного черной глазурью), на которой Творец очерчен мазками тонких линий. Изображения на панелях противопоставлены (ангел света и ангел темноты, полукруги ночи и дня) и во многом напоминают живопись Блейка.

Таким образом, можно говорить о том, что Блейк, воспринятый в том числе через «The DOORS» и фильм Джармуша «Мертвец», занял значительное место в пространстве современной русской словесности. При этом наиболее значительными его произведениями остаются «Песни» и «Бракосочетание рая и ада», а также мистические откровения пророческих поэм; важной оказывается и его судьба непризнанного при жизни гения.

Литература

1. Хаксли О. Двери восприятия: Роман, повесть, трактаты. СПб. : Амфора, 1999. 409 с.
2. Шевалье Т. Тигр, светло горящий. СПб. : Домино ; М. : Эксмо, 2008. 480 с.
3. Гарин И. Блейк // Пророки и поэты. М. : Терра, 1992. Т. 1. С. 393–417.
4. Козовой В. Улыбка // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 213–237.
5. Головин Е. Веселая наука: протоколы совещаний. М. : Эннеагон, 2006. 280 с.
6. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект. М. : Академический проект, 2015. 595 с.
7. Blake W. The complete poetry and prose / ed. by D. Erdman. N.Y. : Anchor books, 1988. 990 p.
8. Стефанов Ю. Изображение на погребальной пелене. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Москва ; Орел : Волшебная гора; Контекст-9, 2006. 344 с.
9. Постнов О. Страх. СПб. : Амфора, 2001. 285 с.
10. Кузнецова О. The little girl lost // Новый мир. 1995. № 7. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/1995/7/bez-illyuzij-i-slez.html
11. Галина М. Из У. Блейка // Арион. 2000. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2000/1/115444.html>
12. Грицман А. «Выдохнешь. Вылетают слова...» // Новая Юность. 2004. № 6 (69). URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2004/6/zima-zhivet.html
13. Янышев С. На смерть деревьев // Новый мир. 2009. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2009/9/repeticiya-2.html

14. Беринский Л. Тюльпан багряный // Иерусалимский журнал. 2010. № 33. URL: <https://magazines.gorky.media/ier/2010/33/tyulpan-bagryanij.html>
15. Горбунова А. В компании Уильяма Блейка // Двоеточие. 2011. № 16. URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2011/08/16/алла-горбунова-в-компании-уильяма-бле/>
16. Калинин М. Белым по черному // Интерпозия. 2018. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/1/belym-po-chernomu.html>
17. Погарский М. Квазинаучный анализ шести пословиц ада Уильяма Блейка // Дети Ра. 2015. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2015/9/czikl-blejk.html>
18. Нержанников Д. Из сборника «Кураки и Хатуринкрийоки» // Homo Legens. 2017. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/homo_legens/2017/1/iz-sbornika-kuraki-i-haturinkrijoki.html
19. Тавров А. Плач по Блейку. М. : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2018. 165 с.
20. Мамардашвили М. Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. 823 с.
21. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М. : Ad Marginem, 1995. 548 с.
22. Пивоваров В. Это – китайское! Беседа Кирилла Кобрин с Виктором Пивоваровым // Наприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 246–272.

William Blake in Contemporary Russian Literature and Culture

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 71–88. DOI: 10.17223/24099554/15/4

Vera V. Serdechnaia, 'Analitika Rodis' Publishing (Noginsk, Russian Federation). E-mail: rintra@yandex.ru

Keywords: William Blake, Russian-English relations, Andrey Tavrov, Russian poetry, reception, English Romanticism, Yuzhinsky circle.

The article discusses the creativity of the English romantic William Blake comprehended in contemporary Russian literature and culture. These facts are quite significant, since many Russian thinkers and writers, such as Igor Garin and Merab Mamardashvili, mention Blake in their works. Blake, partly remembered as a symbolist and mystic, loomed large in the cultural universe of the Moscow mystical “Yuzhinsky” circle, members of which were, in particular, Yuri Mamleev, Yevgeny Golovin, Alexander Dugin, Yuri Stefanov. For them, Blake was an integral part of the great Tradition or ancient knowledge, lost by the civilization. Blake has been mentioned and quoted in the prose by Yuri Buida, Alexey Gryakalov, Ivan Ermakov, Ksenia Buksha, Oleg Postnov and in the poetry by Olga Kuznetsova, Maria Galina, Alla Gorbunova, Maxim Kalinin and others. Andrei Tavrov enters into a creative dialogue with the English Romanticist in his poetic cycle *Lament for Blake* (2018). Tavrov creatively renders Blake’s metaphysics of human physiology. The poem “Blake. Sparrow” shows an impressive fusion of Blake’s motives and lyrics. In particular, the multilevel

character of the mythological world (from Ulro to Eden), conversations with Angels and traveling through the stars in “The Marriage”, the image of a sparrow and a visionary bird in general, images of insects guided through the night (“Dream”), the image of Milton like the meteorite in the heel of the narrator, the figure of Flaxman and the philosophy of creation by the word. In Tavrov’s work, Blake inhabits in a bizarre world of metaliterature, including Gogol and Derzhavin, Velasquez and Newton, Lear and Oedipus, Pan and Melchizedek. Blake, as the creator of overlapping worlds, becomes for Tavrov the key to the total poetization of the universe; where a transition is made from the hermetic principle “as above, so below” to the principle “everything in everything”. This principle turns out to be the most important for contemporary poetry. Blake’s paintings and drawings have become a part of Russian book culture: the famous engraving of the Creator God with a compass “The Ancient of Days” is often used in book graphics; the Moscow conceptualist Viktor Pivovarov, the author of samizdat, admitted that Blake inspired him with his experience in book printing. Blake’s influence can also be seen in the works of contemporary sculptor Alexander Kudryavtsev (1938–2011), namely, his ceramic fresco “The Creation of the World”. Thus, Blake, who came, among others, through the work of The DOORS and Jarmusch’s *Dead Man*, plays a significant role in the space of contemporary Russian literature. In these terms, the most significant of his works are “Songs” and “The Marriage of Heaven and Hell”, as well as mystical revelations of prophetic poems and his creative life of a genius unrecognized during his lifetime in general.

References

1. Huxley, A. (1999) *Dveri vospriyatiya: Roman, povest', traktaty* [The Doors of Perception: Novel, Story, Treatises]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora.
2. Chevalier, T. (2008) *Tigr, svetlo goryashchiy* [Burning Bright]. Translated from English by G. Krylov. St. Petersburg: Domino; Moscow: Eksmo.
3. Garin, I. (1992) *Proroki i poety* [Prophets and Poets]. Vol. 1. Moscow: Terra. pp. 393–417.
4. Kozovoy, V. (1999) Ulybka [Smile]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 39. pp. 213–237.
5. Golovin, E. (2006) *Veselaya nauka: protokoly soveshchaniy* [Funny Science: Meeting Minutes]. Moscow: Enneagon.
6. Dugin, A.G. (2015) *Noomakhia: voyny uma. Angliya ili Britaniya? Morskaya missiya i pozitivnyy sub"ekt* [Noomakhia: wars of the mind. England or Britain? Sea mission and positive subject]. Moscow: Akademicheskii projekt.
7. Blake, W. (1988) *The Complete Poetry and Prose*. New York: Anchor books.
8. Stefanov, Yu. (2006) *Izobrazhenie na pogrebal'noy pelene. Stikhotvoreniya. Poemy. Perevody* [Image on the burial shroud. Poems. Translations]. Moscow, Orel: Volshebnyaya gora, Kontekst-9.
9. Postnov, O. (2001) *Strakh* [Fear]. St. Petersburg: Amfora.

10. Kuznetsova, O. (1995) The little girl lost. *Novyy mir*. 7. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/7/bez-illyuzij-i-slez.html
11. Galina, M. (2000) Iz U. Bleyka [From W. Blake]. *Arion*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/arion/2000/1/115444.html>
12. Gritsman, A. (2004) “Vydokhnesh’. Vyletayut slova...” [“You will exhale. Words will fly out . . . ”]. *Novaya Yunost’*. 6(69). [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2004/6/zima-zhivet.html
13. Yanyushev, S. (2009) Na smert’ derev’ev [On the death of trees]. *Novyy mir*. 9. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/9/repeticiya-2.html
14. Berinskiy, L. (2010) Tyul’pan bagryanny [A crimson tulip]. *Ierusalimskiy zhurnal*. 33. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/ier/2010/33/tyulpan-bagryanyj.html>
15. Gorbunova, A. (2011) V kompanii Uil’yama Bleyka [In the company of William Blake]. *Dvoetochie*. 16. [Online] Available from: <https://dvoetochie.wordpress.com/2011/08/16/alla-gorbunova-v-kompanii-uil-yama-ble/>
16. Kalinin, M. (2018) Belym po chernomu [White on black]. *Interpoeziya*. 1. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/1/belym-po-chernomu.html>
17. Pogarskiy, M. (2015) Kvazinauchnyy analiz shesti poslovits ada Uil’yama Bleyka [Quasi-scientific analysis of the six proverbs of hell by William Blake]. *Deti Ra*. 9. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/ra/2015/9/czikl-blejk.html>
18. Nerzhannikov, D. (2017) Iz sbornika “Kuraki i Khaturinkriyoki” [From the collection “Kuraki and Khaturinkriyoki”]. *Homo Legens*. 1. [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/homo_legens/2017/1/iz-sbornika-kuraki-i-haturinkrijoki.html
19. Tavrov, A. (2018) *Plach po Bleyku* [Lament for Blake]. Moscow: Russkiy Gulliver; Tsentr sovremennoy literatury.
20. Mamardashvili, M. (2002) *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
21. Mamardashvili, M. (1995) *Lektsii o Pruste* [Lectures on Proust]. Moscow: Ad Marginem.
22. Pivovarov, V. (2018) Eto – kitayskoe! Beseda Kirilla Kobrina s Viktorom Pivo-varovym [This is Chinese! Kirill Kobrin’s conversation with Viktor Pivovarov]. *Neprikosnovennyy zapas*. 3. pp. 246–272.